

БОРИС ЧИРКОВ

Тишина! Съемка!

(Из рассказов киноактера)

Известный киноартист Борис Петрович Чирков является одновременно ведущим актером Московского драматического театра имени А. С. Пушкина. Вместе с коллективом театра он приехал на гастроли в наш город.

Борис Петрович недавно закончил работу над книгой о своей трудной и увлекательной профессии киноактера. «Кто мы такие» — так называет ее автор.

Отдельные главы из этой книги уже публиковались в журнале «Юность». Скоро книга будет выпущена издательством «Молодая гвардия».

По просьбе редакции Борис Петрович передал для опубликования на страницах «Коммуниста» главу из своей книги — «Тишина! Съемка!».

Давно это было. Я тогда снимался в фильме «Выборгская сторона». Молодой большевик, бывший петербургский рабочий, Максим после Октябрьской революции был назначен директором Государственного банка. Ничего, конечно, он в финансах не понимал, а бывшие царские чиновники, служившие в банке, старались всячески мешать ему в работе.

В трудном положении оказался Максим — ему нужно было одновременно и учиться новому, незнакому делу и тут же перестраивать его на иной, на советский лад, а, кроме этого, надо было еще и сражаться с контрреволюционерами и саботажниками, засевшими в банке.

Нелегкая задача стояла перед актером — изобразить рабочего-большевика, который неожиданно стал руководителем такого сложного учреждения, да и еще должен обуздать целую свору врагов новой власти, превратить их в своих союзников. Надо было одновременно быть и очень мягким, деликатным человеком и тут же непримиримым, твердым и стойким борцом. Надо было боевать против своих противников и в то же время убеждать их стать своими помощниками.

К каждой съемке приходилось мне готовиться серьезно и старательно. Каждую черточку характера Максима и всю разнообразную манеру его поведения нужно было заранее разработать очень тонко и потом очень точно изобразить ее перед киноаппаратом. Съемка каждого эпизода фильма была для меня и радостным делом и делом очень ответственным и сложным.

Накануне съемок и спал-то я как-то беспокойно — еще с вечера голова была полна мыслями о завтрашней работе. И просыпался я в день съемки с каким-то тревожным чувством.

«Что это должно сегодня случиться?.. Что такое?.. Ах да, съемка! Ночная сцена в кабинете директора банка».

Все утро и весь день у меня шли по-особому.

В постели еще, бывало, думаю: «Раз нынче сниматься, стало быть, надо еще поспать, сил к вечеру набраться».

Но как ни верчусь в кровати — сон ко мне уже не приходит.

— Надо вставать!

Встаю и сразу в ванную. Открываю кран до конца, чтобы вода сильнее шумела, и давай пробовать голос — не хрипит ли? Нынче на съемке мне придется петь, а это для меня дело сложное: я ведь не певец.

Вода хлещет в ванну, а я намылил лицо и распевая во все горло. Вдруг слышу стучат в дверь: «Ага, — думаю, — значит, голос в порядке».

Вымылся я, оделся. Наскоро позавтракал. Взял сценарий, заперся в своей комнате и начал готовиться к съемке.

Сначала я припомнил все, что делает Максим с первого своего появления в картине, до начала той сцены, которую мы должны сегодня снимать.

Это необходимо для того, чтобы правильно определить самочувствие и поведение Максима в нынешнем эпизоде. Ведь собранные вместе все сцены фильма должны создать впечатление непрерывно текущей, полнотной жизни. Для этого действующие лица фильма должны закономерно переходить из одного душевного состояния в другое.

Действие сегодняшней сцены происходит ночью, и я старательно и подробно сочиняю весь предыдущий день Максима. Мысленно я слежу за всеми его поступками в истекший день, за всеми удачами и неудачами, за всеми заботами и радостями — ведь это же должно сказаться на моем теперешнем настроении.

После этого я начинаю разбираться в том эпизоде, который будет сниматься сегодня. Как можно точнее стараюсь представить себе, как Максим будет себя нынче ночью. Наконец, несколько раз проверяю, твердо ли помню текст, который говорю мой герой.

А теперь надо пойти погулять, подышать свежим воздухом. На съемку я должен явиться бодрым, веселым, чтобы работа шла легко и быстро.

Есть в Ленинграде замечательно красивое место — Летний сад. Вот туда-то я и направился. Гуляю, а все думаю о предстоящей съемке. — Надо бы примериться, попробовать — готов ли я к работе...

Перешел я с центральной аллеи на боковую, здесь народу меньше. — «Попробую!» — Оглянусь (никто на

меня не смотрит?) и принимаюсь изображать Максима. Фуражка съезжает у меня на затылок, пальто оказывается нараспашку. Вместо медленной, ленивой походки у меня теперь быстрый, решительный шаг... Будто бы я тороплюсь в Смольный, за приказанными к товарищу Ленину. Время теперь горячее — совсем недавно Октябрьская революция совершилась...

Таким скорым шагом дохожу я до конца аллеи и поворачиваю обратно. На этот раз я уже будто бы возвращаюсь из Смольного. Иду в Государственный банк — меня назначили туда директором. На этот раз я иду медленно, обдумывая свое назначение. Соображаю, как мне вести себя в банке. Как с чиновниками держаться, как разговаривать с ними...

Конечно, мне все приходится воображать, фантазия моя работает во всю, помогает мне превратить аллею сада то в городскую улицу, то в помещение Смольного. Замечу я издали какой-нибудь киоск и думаю — вот он, Государственный банк.

Подхожу к киоску решительным шагом:

— А ну-ка, — команду, — налейте стакан воды без сиропа!

Продавец глядит на меня, улыбається и, наверное, думает про себя: «Ишь ты, герой какой, чего это он так «разоряется?»».

Я смотрю на продавца, а сам фантазирую: «Этот директор банка! Мне приказано отстранить его от должности и отобрать у него ключи от сейфов».

Выпив воду и напоследок грозно взглянув на своего «противника», я удаляюсь в самую глушь сада, сажусь на скамейку и стараюсь вообразить, что сижу в своем кабинете в Государственном банке. Я закрываю глаза, чтобы солнечный свет не мешал мне, и уговариваю себя, что уже наступила ночь.

И с закрытыми глазами я переносюсь в другой мир, в другое время, в иную обстановку... Да и самого себя стараюсь позабыть. Я облакачиваюсь на колени, и мне представляется, что я сижу в большой нетопленной комнате у постели своей жены. Наташи. Она бредит, ей плохо. «Чем же мне помочь ей?.. Оставить все дела и сидеть рядом с нею?.. Нет, нельзя этого делать. Мне поручено большое, нужное всему народу дело, а я брошу его, оставлю?.. Мне нужно сейчас же идти в банк!».

Долго сижу я так в одиночестве, выдумываю и переживаю эпизоды из жизни Максима.

— Батюшки! Уже три часа! Пора мне домой. — Я открываю глаза и иду к выходу. Солнце светит ярко, и сад сегодня нарядный, красивый.

Говорю про себя: «Хорошо как кругом, весело...».

Мне в самом деле становится весело и хорошо. Вот таким мне и нужно явиться на съемку. И быстро, чтобы не растерять по дороге хорошее настроение, я бегу домой. На тротуаре пробираюсь в толпе прохожих, меня толкают, а я улыбаюсь. Улицу добросовестно перехожу на перекрестке, чтобы не огорчать милиционера...

В четыре часа под моим окном раздаются три длинных автомобильных гудка. Это за мной. Пора на работу! Беру пальто и кепку и выхожу к воротам.

Мы едем долго, через весь город, по оживленным улицам. Кругом яркие вывески, разноцветные афиши и плакаты, огромные щиты рекламы что-то предлагают, приглашают куда-то. Но я ничего не замечаю: снова ренетирую свою сцену.

На студии я сразу прохожу в свою уборную. Костюмер уже приготовил мне костюм для съемки. Я переодеваюсь, оглядываю себя перед зеркалом, и вдруг меня берет сомнение: «Позвольте, а тот ли это наряд, что мне нужен сегодня?».

Максим появляется в банке много раз и почти каждый раз он одет иначе — то в пальто, то в пиджаке, то в ватнике. Ошибешься, наденешь не тот костюм, что нужен нынче, и выйдет несурезица — идет, скажем, Максим по коридору в пиджаке, а входит в кабинет в ватнике! Зрители будут в недоумении: когда это артист успел переодеться?

А спутать свои наряды очень легко. Картина снимается не по порядку, не так, как написан сценарий, а вразбивку, по отдельным сценам. Вот, скажем, в картине «Выборгская сторона» несколько эпизодов происходят в кабинете директора банка. И все эти эпизоды собрали в одно и снимали подряд, хотя один из них стоит в начале фильма, другие в середине, а последний — в финале картины.

Давно, еще во времена немого кино, был в России знаменитый киноартист Максимов. Однажды приключилась с ним такая история: изображал он в каком-то фильме элегантного человека. Является этот господин на бал. Вот он идет по коридору, и зрители любуются, как красив и наряден герой картины. На нем превосходно сшитый смокинг — пиджак с атласными отворотами, крахмальная рубашка, тщательно отутюженные брюки, лаковые ботинки. Подходит этот франт к дверям, что ведут в зал, лакей распахивает их перед ним, перешагивает Максимов через порог и... вдруг, вместо смокинга на нем оказывается длиннополый сюртук! Куда девался локс этого человека? Когда у короткого пиджака фалды выросли? Известно... А дело было в том, что сцена эта снималась в два приема — вначале коридор, а потом зал. И между ними прошли съемки каких-то других декораций, поэтому и сам артист, и режиссер, и костюмер — все позабыли, что в коридоре Максимов был в смокинге, и, снимая сцену бала, нарядили его в сюртук.

Да что вспоминать давние времена. Вот в фильме «За власть Советов» Жора Колесничук, протерев со своим комиссионным магазином в Одессе, бросает его и прибегает в катакомбы, к своим товарищам — партизанам. Снимали эту сцену дня три, и вдруг, готовя финальный кадр, оператор говорит:

— Товарищи, позвольте... ведь из комиссионного магазина последний раз Колесничук выходит в летнем белом пиджаке... Как же он оказался здесь в пальто? Ведь переодеться ему было негде?..

Режиссер подумал и отвечает:

— Забыли!.. Что делать, забыли!.. Перепутали.

Сколько времени потеряно напрасно, сколько пленки испорчено! Неужели пойдет насмарку все, что люди сделали за три дня?.. Пришлось спасать положение — снять еще один дополнительный кадр, который исправил ошибку.

Ну, а в тот раз, о котором я рассказываю, на съемках «Выборгской стороны» все было верно. Костюмер принес мне то, что как раз и требовалось: сапоги, ватник, рубашку.

Переодевшись, зашел я в гримерную. Для роли Максима делать мне там нечего. Ни бороду, ни усы клеить не надо, резких морщин тогда на моем лице еще не было — можно их не замазывать. Вот только разве не следует поспудить, чтобы не очень бледнел. Гример проводит пуховкой по моему физиономии:

— Хорошо!

До начала работы остается еще полчаса, а в павильоне уже много народу — идет подготовка к съемке. Сбоку от входа пожарник в блестящей медной каске проверяет огнетушитель, смотрит, в порядке ли пожарный рукав. Потом берет ведро с песком и несет их к декорации. Я иду за ним. Посреди павильона выстроен кабинет директора банка, в котором теперь работает Максим. Я хочу войти в него, чтобы познакомиться с тем, как он обставлен. Хочу пройти через недостроенную стенку, но не тут-то было. Этот проем тесно заставлен прожекторами. Около них возятся осветители: протирают зеркала рефлекторов, укрепляют длинные стерженьки из угля, те, что дают яркое, белое пламя, когда через них пропускают электрический ток.

От каждого прожектора отходит длинный серый кабель. Сколько их здесь! Они то собираются в большие клубки, то извиваясь и переплетаясь между собой, разбегаются по полу в разных направлениях. С непривычки на них даже неприятно смотреть. Как будто бы целые скопища змей разлеглись тут, подкарауливая добычу.

Я все время цепляюсь за них ногами, спотыкаюсь. Наконец, окончательно запутавшись, лечу головой вперед между прожекторами и попадаю прямо в живот кинооператору. Он неприятливо отстраняет меня:

— Погоди обниматься! Дай свет поставить...

Работа у кинооператора сейчас напряженная — он устанавливает свет в декорации. По его приказаниям осветители то поднимают прожектора на штативах, то опускают их. Переставляют с места на место, подыскивая самое удобное положение, приставляют к стенам кабинета, отодвигают назад... А оператор все недоволен, все заставляет переставлять и переставляет прожектора.

(Продолжение следует)